
КОНТЕКСТ

И.В. ФОМИН*

НАРРАТИВЫ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО)¹

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса российского оппозиционера Алексея Навального. Цель исследования состоит в том, чтобы понять, каким образом в дискурсе одного из лидеров российской внепарламентской оппозиции используются нарративы о советском прошлом. Проведенный анализ показывает, что арсенал сюжетов такого рода, которыми оперирует Навальный, довольно широк и включает в себя отсылки к спектру событий, акторов и реалий, относящихся ко всем основным периодам советской истории. Всё разнообразие способов использования нарративов о советском прошлом в дискурсе Навального можно свести к четырем типовым дискурсивным шаблонам: (1) «аналогия с советским», (2) «преемственность от советского», (3) «похищение советского», (4) «(мис)коммеморация советского». По шаблону «аналогия с советским» устроены используемые Навальным стратегии негативной репрезентации ряда современных российских политических событий, акторов и практик (особенно репрессивных и пропагандистских). Шаблон «преемственность от советского» применяется Навальным главным образом для негативной репрезентации отдельных персоналий из числа российских чиновников и некоторых государственных институций. Применение шаблона «похищение советского» почти полностью ограничивается текстами о российских «олигархах». К случаям использования

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00709.

шаблона «(мис)коммеморации» можно отнести все высказывания Навального о (не)одобряемых практиках в сфере исторической политики. В целом Навальному удастся задействовать набор дискурсивных стратегий, которые позволяют ему успешно использовать существующие активы нарративов о советском прошлом, однако сам спикер в конструировании таких нарративов принимает весьма ограниченное участие.

Ключевые слова: российский политический дискурс; образ СССР; историческая политика; Навальный; внепарламентская оппозиция; Сталин; Ленин; политические репрессии; Великая Отечественная война; диссидентское движение; номенклатура; советская идеология; Вторая мировая война.

Для цитирования: Фомин И.В. Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 221–245. –DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

Одна из главных тенденций в развитии официального российского политического дискурса 2000–2010-х годов – всевозрастающая роль позитивных отсылок к советскому прошлому, используемых властвующими элитами в качестве инструмента легитимации режима и конструирования национальной идентичности. В частности, именно по этой линии во многом проходит содержательный водораздел между символической политикой ельцинского и путинского периодов [Малинова, 2016, с. 148]. Первое знаковое решение, ознаменовавшее поворот в этом направлении, было принято уже в 2000 г., когда при выборе мелодии для нового государственного гимна России таковая была позаимствована из гимна СССР. Через пять лет после этого, в 2005 г., выступая с ежегодным посланием к Федеральному собранию, президент назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века»¹.

Еще более важным идеологическим элементом во властном дискурсе советская ностальгия стала в период третьего президентского срока Путина, когда, столкнувшись с массовыми акциями протеста, прокатившимися по стране зимой 2011–2012 гг., Кремль сделал ставку на мобилизацию своих более консервативных сторонников [Chaisty, Whitefield, 2016, p. 161]. Двумя годами позже, в 2014 г., фокальной точкой советского реваншизма российских властей стала Крымская речь Владимира Путина, в которой он, фор-

¹Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2005. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата посещения: 18.05.2020).

мулируя обоснование для пересмотра постсоветских границ России и Украины, ссылаясь на «вопиющую историческую несправедливость» событий 1991 г.¹ Наконец, жестом совсем уж официального закрепления исторической преемственности между путинской Россией и Советским Союзом стала принятая в 2020 г. конституционная поправка, декларирующая, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории»².

В научной литературе вопрос о роли советского компонента в официальном политическом дискурсе современной России исследован сегодня уже достаточно хорошо. Так, например, на тенденцию путинского режима к ресоветизации и даже ресталинизации нарративов исторической памяти и национальной идентичности указывают Тарас Кузьо [Kuzio, 2018] и Дина Хапаева [Khapaeva, 2016]. Кроме того, о «советизме» как об одном из ключевых легитимирующих концептов, которыми пользуется Владимир Путин, пишет Лилия Шевцова, анализируя обращение Кремля к «военно-патриотической» риторике и другие изменения, произошедшие в российской внешней и внутренней политике в 2014 г. [Shevtsova, 2015, p. 25]. Наконец, Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди обращают внимание на то, что президент Путин сформулировал оригинальную идеологическую рамку российского государственничества, синтезировав советские идеологические конструкты и наследие российского самодержавия [Hill, Gaddy, 2012, p. 26]. Аналогично Мария Энгстрём обращает внимание на некоторые нарративы о мессианской роли СССР, инкорпорированные в идеологию современного российского внешнеполитического «неоконсерватизма» [Engström, 2014, p. 366].

Одни из наиболее интересных и глубоких исследований, посвященных анализу способов использования исторических отсылок в актуальной российской политике, были проведены Ольгой Малиновой [Малинова, 2016; 2017; 2019; Malinova, 2017; 2018], в работах которой анализируется символическая политика российских властей, связанная с конструированием официальных исторических нарративов. В частности, анализируя тематический репертуар выступлений президента РФ, Малинова отмечает, что

¹ Обращение Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата посещения: 18.05.2020).

² Полный текст поправок в Конституцию: что меняется? – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата посещения: 19.05.2020).

советское прошлое является в путинской России «наиболее востребованным символическим ресурсом», а самым «используемым» событием выступает Великая Отечественная война. В целом советское наследие при этом используется в официальных нарративах крайне избирательно – из него оказалось по большей части исключено обсуждение «трудных вопросов», связанных с коммеморацией тоталитарных практик и репрессий советского периода.

При всем интересе исследователей к тому, какое место советское прошлое занимает в политическом дискурсе современной России, большая часть существующих работ по этой теме фокусируется главным образом на том, какие стратегии в этом плане используются правящей элитой. При этом альтернативные дискурсы о советской истории и советском наследии, формулируемые оппозиционными политическими силами, исследуются гораздо реже. Именно эту лауну призвано, отчасти, заполнить исследование, представленное в настоящей статье. Мы планируем хотя бы частично реконструировать те политические дискурсы, которые претендуют на то, чтобы конкурировать с теми нарративами о советском прошлом России, которое воспроизводится властвующей политической элитой. Именно исходя из этого мы поставили своей целью понять, каким образом отсылки к советскому прошлому используются в дискурсе одного из самых известных лидеров российской внепарламентской оппозиции.

Вообще настоящая статья задумана как первая публикация в серии работ, посвященных тому, как различные оппозиционные политические силы в России используют отсылки к советскому прошлому в своих дискурсах. Мы, однако, не случайно решили начать эту серию именно с Алексея Навального. Отчасти это связано с тем, что Навальный – единственный представитель внепарламентской оппозиции, который входит в пятерку оппозиционных политиков с наиболее высокими рейтингами доверия¹. Это, однако, не главная причина. Дискурс Навального представляет интерес еще и в связи с тем, что его позиция по вопросу об отношении к советскому наследию неочевидна. Общая склонность Навального к конструированию достаточно эклектичных идеологических кон-

¹ Одобрение органов власти и доверие политикам // Левада-Центр. – 2020. – 29 июля. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/07/29/odobrenie-organov-vlasti-i-doverie-politikam/> (дата посещения: 19.08.2020).

струкций давала нам основание для того, чтобы ожидать от дискурса этого спикера не отчетливо идеологизированных (и в этом плане весьма предсказуемых) исторических нарративов, вроде тех, которые транслируются, например, Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ), а таких, которые были бы сходны с доминантным дискурсом о советском прошлом в плане своего популистского характера, но при этом претендовали бы на то, чтобы выступать альтернативой в отношении этого дискурса. Кроме того, в целом наш интерес именно к внепарламентской оппозиции был продиктован тем обстоятельством, что в силу авторитарного характера современного российского политического режима парламентские партии выполняют, по большей части, фасадные функции и потому их тексты лишь с определенными оговорками можно рассматривать как альтернативу дискурсу власти.

Материалы и методы

Выбирая материалы для анализа, мы стремились, по возможности, проанализировать политический дискурс¹ Алексея Навального во всей его полноте, поэтому ориентировались не на отдельные тексты, посвященные историческим сюжетам, а на весь набор высказываний, тем или иным образом отсылающих к советскому прошлому. В связи с этим эмпирическую базу для нашего исследования составил корпус текстов, в который вошли все записи в блоге Алексея Навального, опубликованные в период с начала 2014 г. по середину 2020 г.², а также все его интервью, выходившие в этот же период на радиостанции «Эхо Москвы» и телеканале «Дождь».

¹ Под *дискурсом* мы здесь понимаем социально суженный лангаж, т.е. язык и речь в том их аспекте, в котором они связаны с конкретными общественными обстоятельствами [Беседа ..., 2012, с. 387; Фомин, 2015, с. 16]. Исходя из такого понимания дискурса, *дискурс-анализ* можно определить как исследование, ориентированное на социально-семиотическую реконструкцию «логономических правил» [Hodge, Kress, 1988, p. 4–5], характерных для того или иного дискурса.

² При выборе темпоральных рамок мы руководствовались главным образом той логикой, что именно 2014 и 2020 гг. очерчены границы относительно целостного периода в истории развития российского политического режима, которые можно отследить даже на уровне изменения его конституционных положений. 2014 год был переломным в плане изменения границ государства, а 2020-й – в плане внесения целого ряда других поправок в Основной закон.

Дополнительно в корпус был также включен текст предвыборной программы Алексея Навального на президентских выборах 2018 г.

Анализ собранных материалов проводился в четыре этапа. На первом этапе из всего корпуса на основе списка ключевых слов были автоматически отобраны тексты, которые могли иметь отношение к истории советского периода¹. На втором этапе все отобранные таким образом материалы² были проанализированы вручную и сформирован корпус из 237 текстов, которые действительно содержали отсылки к фактам, реалиям и персоналиям, связанным с советским периодом. Все релевантные тексты при этом были тематически кодированы на основе двух открытых перечней топиков³. В первый из перечней вошли топики, связанные с советским прошлым, во второй – связанные с постсоветской современностью. При этом процедура анализа предполагала, что каждый из релевантных текстов должен быть закодирован как минимум одной категорией из каждого перечня. После завершения кодирования всех текстов некоторые топики были объединены в более крупные тематические категории⁴. Наконец, на третьем этапе на основе результатов такого кодирования был проведен описательный статистический анализ, который позволил проследить, как часто каждый из «советских» топиков возникал совместно с тем или иным «современным» топиком.

Четвертый этап анализа подразумевал качественное исследование некоторых наиболее часто встречающихся вариантов сопряжения «советских» топиков с «современными». Главной задачей этого этапа стало определение того, в рамках каких дискурсивных стратегий задействуются те или иные отсылки к

¹ Полный список ключевых слов приведен в: Fomin I. Приложение 1. Ключевые слова в поисковых запросах. tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

² Некоторые из отобранных текстов представляли собой описания к видеороликам. В таких случаях на втором исследовании анализировалось содержание соответствующих видео.

³ Минимальной единицей кодирования служил абзац. В случаях, когда несколько абзацев, относящихся к одному топиком, следовали непосредственно друг за другом, они кодировались как одна единица.

⁴ Fomin I. Приложение 2. Перечни топиков. tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

советскому прошлому. При этом использовались категории, выработанные в рамках дискурс-исторического подхода, позволяющие вычленять типичные для того или иного дискурса *дискурсивные стратегии* [Reisigl, Wodak, 2001, p. 44–46]: *референциальные стратегии* (практики дискурсивного конструирования социальных акторов, объектов, явлений, событий, процессов и действий через различные способы их именованья), *стратегии предикации* (практики атрибутирования позитивных или негативных характеристик социальным акторам, объектам, явлениям, событиям, процессам и действиям) и *аргументативные стратегии* (практики обоснования тех или иных тезисов, связанные с использованием типовых доводов, принимаемых как не нуждающиеся в обосновании). Иными словами, задачей этого этапа анализа был ответ на вопрос о том, каких целей позволяет достигать использование отсылок к советскому прошлому в анализируемом дискурсе.

Результаты

Общую картину того, каким образом в дискурсе Алексея Навального используются отсылки к советскому прошлому, можно составить на основе результатов третьего этапа анализа, в рамках которого было получено количественное описание тематического содержания проанализированных текстов¹. Эти данные позволяют зафиксировать, какие топики, касающиеся советского прошлого, наиболее часто возникают в текстах Навального и с какими именно топиками из современной повестки они при этом сопрягаются. Так, можно заметить, что чаще всего в анализируемых текстах советский период истории упоминается в связи с политическими репрессиями. При этом в основном такие упоминания возникают в контексте репрессий в современной России. Похожим образом топики, связанные с поддержкой советского режима населением, с идеологическими конструктами советской власти и ее пропагандистскими усилиями, часто возникают в контексте сюжетов о поддержке режима в путинской России. Наконец, еще одна

¹ См. табл.: Fomin I. Приложение 3. Количество пересечений между парами топиков (полная таблица). tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

похожим образом контекстуализируемая тема, особенно часто возникающая в анализируемом дискурсе, – это распад СССР: об этих событиях Алексей Навальный, как правило, упоминает в связи с возможной сменой власти в современной России.

Таблица
Количество пересечений между парами топиков¹

	СОВРЕМЕННОЕ																									
	Акции протеста	ВПК	Выборы	Историческая политика	Образование по истории	Кино	Коррупция	Дождь элит	Ментальность	О себе	Обвинения в оскорблении памяти и оправдании нацизма в РФ	Олигархи	Оппозиция	Поддержка режима	Политический режим	Право	Приватизация	Репрессии в РФ	Русские	Смена власти	СМИ	Страны бывшего СССР	Чиновники в РФ	Экономика	ВСЕГО	
СОВЕТСКОЕ																										
ВОВ	0	0	1	17	2	0	5	1	0	1	4	1	2	3	1	3	0	3	1	0	4	4	13	0	30	
Брежнев	0	0	1	0	0	2	0	0	0	0	0	1	0	3	3	1	0	1	0	2	1	0	8	0	11	
Диссиденты	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	2	0	2	1	1	1	1	0	7	
Идеология	0	0	1	2	1	0	2	1	0	3	1	0	0	4	3	3	0	2	0	2	3	0	8	0	10	
Комсомол	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	2	1	1	1	0	2	2	0	3	2	0	6	1	11	
Горбачев	0	0	2	1	0	1	2	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	3	0	0	4	1	11		
КПСС и номенклатура	2	0	1	4	1	1	13	0	0	2	2	4	1	4	3	2	1	4	0	2	6	1	25	2	35	
Ленин	1	0	1	7	1	2	1	0	0	2	1	1	2	1	0	0	0	1	1	1	0	0	7	0	15	
Революция	0	0	1	6	2	3	1	0	0	2	2	0	1	2	0	0	0	1	0	2	2	0	6	0	9	
Поддержка режима	0	0	2	2	1	1	2	0	0	1	1	0	0	9	4	1	0	2	0	1	4	1	7	0	10	
Политический режим	0	0	3	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	5	10	2	0	2	0	2	2	0	3	0	11	
Промышленность	0	2	0	0	0	0	3	0	0	0	0	14	0	0	0	0	7	0	0	0	0	0	5	6	19	
Пропаганда	0	0	1	3	1	1	1	2	0	2	0	0	1	3	2	0	0	2	0	1	6	1	4	0	10	
Распад СССР	0	0	2	2	1	1	0	3	0	3	0	3	2	2	0	1	3	1	8	5	3	5	0	22		
Репрессии	1	0	3	7	2	2	4	0	0	2	2	2	3	2	3	1	0	18	0	6	3	1	12	0	36	
Сталин	0	0	17	5	1	2	9	1	0	0	0	2	19	2	0	0	0	2	1	1	0	1	16	0	45	
Хрущев	0	0	0	2	0	1	3	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	0	1	1	0	1	6	0	8	
Экономика	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	1	0	0	3	6	12		
ВСЕГО	8	6	30	31	6	8	55	6	6	17	6	30	35	15	20	6	8	28	9	20	22	22	99	12		

¹ Приведены наиболее часто встречающиеся топики. Полный вариант таблицы представлен в: Fomin I. Приложение 3. Количество пересечений между парами топиков (полная таблица). tab // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP/MIOLM7> (дата посещения: 30.08.2020).

Другой сюжет, упоминания о котором возникают в текстах Навального почти так же часто, как упоминания о политических репрессиях советского периода, – это события Великой Отечественной войны. О них речь заходит по большей части в связи с дискуссиями из сферы исторической политики. Другое событие, о котором часто говорится в похожем контексте, – это Октябрьская революция. По частоте отсылок, правда, революция существенно отстает от Великой Отечественной войны.

Еще одна тема, имеющая отношение к советским политическим реалиям, к которой часто обращается в своих текстах Навальный, – это советская партхозноменклатура и КПСС. Эти темы чаще всего контекстуализированы сюжетами, связанными с чиновниками в современной России и с коррупционными обвинениями в их адрес. Также в плане частотности упоминаний выделяется на общем фоне тема советской промышленности, которая обычно возникает в текстах в связи с рассказами о российских «олигархах».

Ленин и революция

В контексте проблем исторической политики Алексей Навальный высказывается о советском периоде истории достаточно редко, и такие тексты по большей части ограничиваются тремя сюжетами: это Октябрьская революция, сталинские репрессии и Великая Отечественная война. Хотя революция существенно уступает по частоте упоминаний двум другим событиям, рассмотреть высказывания Навального по этому поводу представляется важным в связи с тем, что в них комбинируются две дискурсивные стратегии, которые находятся между собой в заметном напряжении.

Наиболее подробные высказывания Навального по поводу Октябрьской революции относятся к 2017 г., на который пришлась ее столетняя годовщина, и именно в этих текстах можно заметить сочетание двух таких стратегий¹. Первая из них – это стратегия предикации негативных действий политическим оппонентам из

¹ Напр.: О чем вчера говорил. – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5605/> (дата посещения: 21.08.2020.); Алексей Навальный – 2017. – 7 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5609/> (дата посещения: 21.08.2020).

числа правящей элиты, которая в данном случае реализуется через предикцию президенту России и власти в целом недопустимого игнорирования годовщины важного исторического события. Вторая же стратегия, которая задействуется в тех же самых текстах, – это реализуемое уже самим Навальным уклонение от конструирования какого-либо детального и однозначно оценочно окрашенного нарратива о революции. В частности, достаточно показательны в этом плане референциальные стратегии исключения, которые использует Навальный, говоря о революции: в его собственном дискурсе фактически отсутствуют какие-либо упоминания о конкретных исторических фактах.

Сходную комбинацию стратегий можно найти и в тех текстах, где Навальный высказывается по вопросу о захоронении тела Ленина. В них тоже происходит совмещение негативной репрезентации оппонентов, которые забывают о важных исторических событиях, с частичным исключением из собственного дискурса развернутых оценок того самого события. Именно такой набор стратегий реализовывался Навальным в период острых общественных дискуссий по поводу фильма «Матильда» Алексея Учителя. В тот момент Алексей Навальный несколько раз формулировал тезисы с критикой в адрес тех, кто выступал против демонстрации фильма, предъявляя в качестве одного из основных аргументов непоследовательность их позиции, так как они выступают против фильма, якобы порочащего образ Николая II, но не протестуют против того, что на главной площади страны в мавзолее находится тело человека, ответственного за убийство последнего коронованного российского самодержца¹.

При этом, хотя во всем корпусе проанализированных текстов Навального почти единственное действие, которое последовательно предикцируется Ленину, это именно ответственность за расстрел царской семьи, акцент при этом спикер всякий раз делает именно на непоследовательности позиции по этому вопросу, занимаемой политическими оппонентами, но не на своей собственной позиции. Сам Навальный несколько раз высказывался в пользу решения о захоронении Ленина, однако последовательно не делал это важным

¹ Напр.: Алексей Навальный – Оскорбленная Россия, секретные тюрьмы ФСБ, Саакашвили, Милов, Мовчан и стратегия бойкота. – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5474/> (дата посещения: 21.05.2020).

пунктом своей политической программы, указывая на то, что решение по этому вопросу должно быть принято на референдуме¹.

В целом анализ даже всего корпуса собранных высказываний Навального о революции не позволяет с достаточной отчетливостью реконструировать сколько-нибудь подробный и ясным образом оценочно окрашенный нарратив. В текстах Навального определенно нет попытки сконструировать восторженное повествование о революции, однако спикер последовательно уклоняется и от развернутых негативных оценок. Нарратив о революции, который угадывается в высказываниях самого Навального, при этом скорее тяготеет к повествованию об ужасном трагическом событии, однако защита именно такой его трактовки едва ли может рассматриваться как приоритетная цель соответствующего субдискурса.

Сталин и репрессии

Другой исторический сюжет из советского периода, о котором часто говорит Навальный, – это политические репрессии. Более того, как уже отмечалось выше, упоминания о репрессиях встречаются в текстах Алексея Навального чаще других сюжетов. При этом существенная часть высказываний Навального по этому поводу возникает из различных сопоставлений практик преследования неугодных в современной России с аналогичными практиками в СССР. В таких отсылках к советскому прошлому иногда речь идет о сталинских репрессиях, однако ими такого рода рассуждения не ограничиваются. Более того, в ряде случаев сталинским репрессиям эксплицитно предидируется отличность от современных политических гонений, прежде всего в силу особенно массового характера первых².

Гораздо более прямым образом Навальный проводит параллели между российскими репрессивными практиками и преследованием неугодных в более поздние периоды советской истории.

¹ О Русском марше и Русском мире – Алексей Навальный – Интервью // Эхо Москвы, 16.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1419224-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Алексей Навальный – Разворот (утренний) // Эхо Москвы. 13.04.2017. – 2017. – 13 апреля. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/1962342-echo/> (дата посещения: 19.08.2020).

Так, например, эксплицитно репрезентуются как сходные между собой факты преследования по политическим мотивам в современной России и события, связанные с репрессиями в отношении советских диссидентов¹. Также о репрессиях позднесоветского периода Навальный вспоминает в контексте темы люстраций и необходимости привлечения к ответственности тех, кто был замешан в ведении политически мотивированных дел². Таким образом, соотнесение политических репрессий в современной России с репрессиями советского периода по большей части ориентировано на то, чтобы посредством аргументативной стратегии сопоставления (топос сходства) сконструировать негативный образ российской власти и позитивный образ тех, кто страдает от преследований с ее стороны.

Когда Алексей Навальный все же говорит именно о репрессиях эпохи сталинизма, то обычно это происходит не в форме соотнесения современных репрессивных кампаний с «большим террором», а в виде акцентирования самого факта исторической преемственности между российской пенитенциарной системой и ГУЛАГом³ или же в контексте обсуждения общего обвинительного уклона в практике современных российских судов⁴. В обоих этих случаях соотнесение со сталинским наследием функционирует как аргументативная стратегия, используемая для обоснования тезиса о необходимости реформирования соответствующих институций.

Надо также добавить, что вообще параллели с сегодняшним днем – это отнюдь не единственный контекст, в котором в дискурсе Алексея Навального возникает тема репрессий в СССР. Часто к этим сюжетам спикер обращается в текстах, посвященных проблемам исторической политики. В частности, в дискурсе Наваль-

¹ Напр.: Алексей Навальный – Чёрный блокнот и реестр злодеев. – 2016. – 4 февраля. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4708/> (дата посещения: 19.08.2020).

² Напр.: Алексей Навальный – 2019 // Эхо Москвы. 15.11.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/year2019/2536153-echo/> (дата посещения: 19.08.2020).

³ Напр.: Алексей Навальный – И снова читайте, представляя себя на месте этого человека. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5127/> (дата посещения: 19.08.2020).

⁴ Напр.: Алексей Навальный: [«Базовые принципы» Путина как программа объединенной оппозиции]. – 2014. – 22 ноября. – Режим доступа: <https://navalny.com> (дата посещения: 21.05.2020).

ного позитивно репрезентуются общественные инициативы, связанные с коммеморацией жертв сталинских репрессий¹. Помимо этого, сюжеты, связанные с репрессиями, активно используются в текстах Навального, конструирующих образы Ленина и Сталина. При этом и в случае Ленина (об этом уже шла речь выше), и в случае Сталина предидирование ответственности за репрессии оказывается одной из ключевых стратегий репрезентации этих политических фигур.

Вообще образ Сталина в текстах Навального имеет отчетливо выраженную негативную окраску. При этом особенно интересно обратить внимание на номинацию «палач русского народа»², которую Навальный последовательно использует в отношении Сталина. Притом что в целом комментарии Навального о Сталине достаточно скудны, эта формулировка позволяет реконструировать некоторые важные особенности нарратива о сталинских репрессиях, к которому отсылает Навальный. Фактически формула «палач русского народа» конструирует нарратив о сталинских репрессиях, который сфокусирован на том, в какой мере от сталинского террора пострадали именно русские. Это интересно, поскольку для транслируемого официально дискурса о сталинских репрессиях выделение нарратива о русском народе как о жертве репрессий характерно гораздо в меньшей степени³.

Впрочем, даже в том, что касается образа Сталина, в текстах Навального есть некоторая амбивалентность. Связана она опять же

¹ Напр.: Алексей Навальный: [Возвращать имена]. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/t/705/> (дата посещения: 21.05.2020); О Русском марше и Русском мире – Алексей Навальный: интервью // Эхо Москвы. 16.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1419224-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Напр.: Алексей Навальный: интервью // Эхо Москвы. 01.02.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2363189-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

³ Обычно в официальном нарративе о репрессиях речь идет либо о народе вообще – без указания отдельных национальностей (напр.: [Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби». – 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата посещения: 19.08.2020)]). Или же когда русский народ все же упоминается, то возникает он в ряду с другими народами, пострадавшими от репрессий (напр.: [Обращение Президента Российской Федерации. – 2014. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата посещения: 19.08.2020)]).

с попытками Навального увязать в рамках одного дискурса две дискурсивные стратегии, которые проблематично сочетаются между собой. Первая из них связана с негативной репрезентацией образа Сталина, а вторая – с попытками защитить тезис о том, что в некоторых случаях допустимо поддерживать на выборах в современной России политиков-сталинистов из КПРФ¹. Интересно, что тема сталинизма в дискурсе Навального чаще всего возникает именно в контексте темы современных выборов и тактической поддержки кандидатов-коммунистов, а вовсе не в контексте меморации жертв сталинских репрессий (табл. 1).

Великая Отечественная война

Перейдем теперь к теме Великой Отечественной войны. В субдискурсе Алексея Навального о проблемах исторической политики это топик встречается чаще всех других. Однако даже в этом случае, как и в ситуациях с сюжетами, которые обсуждались выше, отсылки к историческим нарративам по большей части используются Навальным как способ негативной репрезентации политических оппонентов во власти, – о собственно конструировании или воспроизводстве альтернативных исторических нарративов речи при этом практически не идет. Во всем массиве высказываний, которые были проанализированы в настоящем исследовании, удалось выявить только три текста, которые можно было бы рассматривать как попытки конструирования Навальным какого-то самостоятельного варианта нарратива о Великой Отечественной войне. В одном случае речь шла о необходимости открыто говорить о фактах коллаборационизма в период войны (главным образом речь шла о коллаборационистах из числа чеченцев, однако Навальный упоминал и о том, что такие случаи были также среди «украинцев, русских, жителей Прибалтики»)². Второй текст был посвящен сюжетам о неготовности СССР к войне и о поведении Сталина в первые дни после

¹ Напр.: Алексей Навальный – Особое мнение // Эхо Москвы. 29.03.2019. – 2019. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2397387-echo/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Там же.

нападения гитлеровских войск¹. Наконец, в третьем случае, говоря об акции «Возвращение имен», Навальный предпринял попытку конструирования некоторого подобия нарратива о «двойной жертве»², увязывая в одном повествовании сюжеты о погубленных в годы репрессий и о павших на полях Великой Отечественной³.

В том, что касается других высказываний Навального, связанных с памятью о войне, существенная часть из них посвящена обсуждению различных спорных форм коммеморации, – главным образом в контексте конструирования негативного образа властей. Так, в 2020 г. было опубликовано несколько текстов Навального, которые были посвящены параду Победы (из-за карантина проводившемуся в июне) и главным образом ориентированы на конструирование негативной репрезентации Владимира Путина: президенту предсказывалось проведение ненужного и дорогостоящего мероприятия в период пандемии коронавируса⁴.

Кроме того, несколько раз Навальный высказывался по поводу георгиевской ленточки как символа победы в ВОВ⁵. Заявления эти имели амбивалентный характер в том плане, что Навальный в целом позитивно высказывался об этом символе, но негативно отзывался о тех своих оппонентах во власти, которые превратили ленточку в «какой-то непонятный фетиш», «опошлили и извратили этот символ»⁶.

Другой сюжет, о котором говорит Навальный в контексте коммеморации событий Великой Отечественной войны, – это проблема поиска и захоронения погибших советских солдат. В этом контексте Навальный конструирует негативный образ власти, предсказывая невнимание к этой проблеме, и говорит о необходимости

¹ Алексей Навальный – Мастрид к 9-му мая. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4208/> (дата посещения: 21.05.2020).

² О нарративах «двойной жертвы» см.: [Malinova, 2017, p. 45; Malinova, 2019, p. 96; Касьянов, 2018; Фадеева, 2017, с. 217–219].

³ Алексей Навальный: [Возвращать имена]. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/t/705/> (дата посещения: 21.05.2020).

⁴ Алексей Навальный – Парад для одного зрителя. Сколько это стоит? – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6386/> (дата посещения: 23.06.2020).

⁵ Алексей Навальный – Цвет победы и ленточки. – 2014. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/3573/> (дата посещения: 23.06.2020).

⁶ Алексей Навальный – Сбитый фокус // Эхо Москвы. 15.10.2014. – 2014. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/focus/1417522-echo/> (дата посещения: 23.06.2020).

«общенационального проекта», который ставил бы своей задачей «найти и похоронить всех солдат Великой Отечественной»¹. Можно упомянуть другой проект Навального, также связанный с памятью о войне, – его кампанию с требованием поднять пенсии ветеранам².

В целом можно отметить, что высказывания Навального, связанные с нарративом о Великой Отечественной войне, носят, как и в случае с упоминаниями революции, во многом инструментальный характер. Зачастую эта тема возникает именно как элемент стратегий, направленных на создание негативного образа власти через предикацию ей злоупотребления инструментами исторической политики. Вместе с тем нельзя не отметить, что в случае с памятью о Великой Отечественной Навальный в некоторых случаях играет достаточно проактивно и на поле исторической политики – им предпринимаются попытки продвижения некоторых альтернативных вариантов нарративов в войне, а также (пусть и не слишком настойчиво) предлагаются формы коммеморации, отличающиеся от официальных.

Советская идеология и номенклатура

Выше, обсуждая тему репрессий, мы уже отмечали, что часто Навальный использует риторические возможности исторических параллелей между современной российской политической системой и советским режимом. Похожим образом в дискурсе Навального задействуются и сюжеты, связанные с советской идеологией и партхозноменклатурой. По большей части они используются для конструирования негативных образов современной российской власти, которым предсказывается сходство или преемственность по отношению к КПСС и советскому правящему классу. Когда речь идет о такого рода аналогиях, то они конструируются с целью репрезентации нынешнего российского режима как сходного с советским в плане его ломкости и конечности, вопреки внешнему образу устойчивости и незыблемости. При этом в ряде случаев параллели включают в себя указание

¹ Алексей Навальный – Мастринд к 9-му мая. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4208/> (дата посещения: 21.05.2020).

² Алексей Навальный – Путин: немецкий вермахт или наши ветераны? – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6382/> (дата посещения: 21.06.2020).

на сходство двух систем в плане зависимости от государственной пропаганды и преходящего характера массовой поддержки¹.

В том же, что касается нарративов не только о подобии, но о преемственности современной российской власти по отношению к советской, то по большей части такие инструменты используются для негативной репрезентации современных российских чиновников. Им предидируется членство в КПСС или ВЛКСМ, занятие должностей в советских органах власти или другие связи с советскими властными структурами². Похожим образом репрезентуются и современные журналисты, работавшие ранее в советских СМИ³. Такого рода предикации, как правило, используются чтобы репрезентовать этих акторов как тех, кто готов обслуживать любую власть, лицемерно переходя от службы советским идеалам к защите православных «духовных скреп». Логичным продолжением этих сюжетов становятся нарративы о распаде СССР, который репрезентуется как мирная смена режима, который казался вечным, но в итоге пришел к распаду, так как сохранял устойчивость только благодаря лжи, пропаганде и цензуре⁴.

Важно обратить внимание, что такого рода рассуждения Навального о советском режиме, как правило, отсылают к брежневским временами или к более поздним периодам советской истории. И именно в отношении нарративов об этих периодах Навального можно рассматривать как достаточно активного мнемонического актора. Нарративы о позднем СССР, которыми он

¹ Алексей Навальный – Главные 2 минуты 54 секунды из фильма Владимира Соловьёва «Президент». Посмотрите. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4220/> (дата посещения: 21.06.2020).

² Напр.: Требуем уволить Симоньян, или Как RT накручивает просмотры. – 2020. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/6325/> (дата посещения: 21.06.2020); Алексей Навальный – Оба ребята смышленные, оба создали бизнес. С нуля! – 2017. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5221/> (дата посещения: 21.06.2020); Про Финляндию и комсомольцев. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4150/> (дата посещения: 21.06.2020).

³ Напр.: 5 шагов для России – Алексей Навальный – Разворот (утренний) // Эхо Москвы. 27.04.2020. – 2020. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2631218-echo/> (дата посещения: 21.06.2020).

⁴ Напр.: Алексей Навальный – Главные 2 минуты 54 секунды из фильма Владимира Соловьёва «Президент». Посмотрите. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4220/> (дата посещения: 21.06.2020).

оперирует, используются им очень активно и последовательно, будучи при этом сравнительно хорошо детализированы.

Советская промышленность

Последний исторический сюжет из числа активно используемых Алексеем Навальным, который мы имеем возможность обсудить в этой статье, – это тема советской промышленности. Однако, строго говоря, сами сюжеты, к которым апеллирует Навальный, касаясь этой темы, вообще по большей части относятся не советскому, а к постсоветскому периоду истории. Дело в том, что типичная для Навального стратегия использования отсылок к советской промышленности связана с решением задач конструирования негативного образа крупных околоставных бизнесменов в современной России.

Эту задачу Навальный решает в том числе и через предикацию «олигархам» участия в несправедливом присвоении крупных предприятий (зачастую в результате приватизации¹) – именно в этой части и появляются отсылки к советской промышленности. Использование такого рода стратегий предикации позволяет Навальному репрезентовать «олигархов» как тех, кто обогатился, присвоив советские промышленные предприятия².

Зачастую такого рода стратегии используются совместно с другими стратегиями предикации, также ориентированными на создание негативного образа крупного околоставного бизнеса. В частности, они могут указывать на плохие условия труда на принадлежащих «олигархам» предприятиях³ или на низкую заработную плату работников⁴.

¹ Напр.: Алексей Навальный – Олигарх Усманов будет платить налог на доходы с российских недр в Швейцарии. – 2016. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5102/> (дата посещения: 21.06.2020).

² Напр.: Алексей Навальный – У него мечта – яхта, а у меня – уехать отсюда подальше. – 2015. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/4471/> (дата посещения: 21.06.2020).

³ Там же.

⁴ Напр.: Алексей Навальный – Олигарх Усманов будет платить налог на доходы с российских недр в Швейцарии. – 2016. – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5102/> (дата посещения: 21.06.2020).

Заключение

К сожалению, ограничения, накладываемые форматом статьи, не позволяют нам рассмотреть все типичные способы использования советского прошлого, к которым прибегает Алексей Навальный. Так, например, за рамками обсуждения здесь остается ряд высказываний спикера о советской ностальгии, советском народе, советской ментальности, а также отсылки к советскому кинематографу, музыке, анекдотам и т.п. При этом, однако, все ключевые моменты, касающиеся наиболее часто встречающихся практик использования советского прошлого, в статью все же удалось вместить.

Проведенный анализ показывает, что арсенал сюжетов из советского прошлого, которыми оперирует Алексей Навальный, довольно широк и включает в себя отсылки к спектру событий, акторов и реалий, относящихся ко всем основным периодам советской истории. Если попытаться обобщить все разнообразие способов использования нарративов о советском прошлом в дискурсе Навального, то их можно свести к четырем типовым дискурсивным шаблонам (макростратегиям). Первый такой шаблон – АНАЛОГИЯ С СОВЕТСКИМ, второй шаблон – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТ СОВЕТСКОГО, третий – ПОХИЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО, четвертый – (МИС)КОММЕМОРАЦИЯ СОВЕТСКОГО.

По шаблону АНАЛОГИИ С СОВЕТСКИМ организованы используемые Навальным стратегии негативной репрезентации ряда современных российских политических событий, акторов и практик (особенно репрессивных и пропагандистских). Шаблон ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОТ СОВЕТСКОГО применяется Навальным главным образом для негативной репрезентации отдельных персоналий из числа российских чиновников и некоторых государственных институций. (Иногда шаблоны аналогии и преемственности могут использоваться совместно.) Что касается поля применения шаблона ПОХИЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО, то оно почти полностью ограничивается текстами о российских «олигархах». Наконец, к случаям использования шаблона (МИС)КОММЕМОРАЦИИ можно отнести все высказывания Навального о «правильных» и «неправильных» практиках в исторической политике. Сюда относятся, например, его упреки в адрес власти о невнимании к юбилею революции, об опошлении

георгиевской ленты или о предложении захоронить всех павших солдат Великой Отечественной.

В целом, как мы показали, Навальный использует в своем дискурсе отсылки к советскому прошлому достаточно активно, однако круг задач, которые он пытается с их помощью решать, весьма ограничен. В частности, такие отсылки редко имеют задачей конструирование какого-то определенного нарратива о прошлом в качестве своей главной цели. Они обычно оказываются скорее еще одним способом атрибутировать негативные черты политическим оппонентам. В результате отсылки к советскому наследию активно задействуются в дискурсе Навального для решения риторических задач, связанных с политической борьбой в контексте актуальной повестки дня, но лишь в редких случаях содержат в себе попытки отреагировать на сложные вопросы исторической политики, особенно важные для конструирования национальной идентичности (от ответа на которые уклоняется и власть). Иными словами, Навальному удается задействовать набор дискурсивных стратегий, которые позволяют ему эффективно *использовать* нарративы о советском прошлом, но сам он в *конструировании* таких нарративов практически не участвует.

Исключения из этой общей тенденции есть, и о них будет справедливо еще раз здесь упомянуть. Как активный мнемонический агент Навальный действует в нескольких ситуациях, когда действительно привносит в политический дискурс элементы нарративов, которые в официальном дискурсе почти не присутствуют. Таковы его попытки конструирования «русского» прочтения нарратива о сталинских репрессиях, а также общего нарратива о жертвах сталинских репрессий и о жертвах войны («двойная жертва»). Также оригинальны и значимы с точки зрения исторической политики попытки Навального привнести в политическую дискуссию негативные нарративы о связи между советской партхозноменклатурой и современным составом российских элит, а также о поздесоветском («застойном») периоде истории, в частности – о борьбе с диссидентами.

В целом, хотя кейс Навального является интересным сам по себе, продуктивно осмыслить полученные в результате проведенного анализа выводы можно, лишь соотнеся их со стратегиями использования советского прошлого, которые задействуются властью. В этом плане важно отметить, что хотя высказывания

Навального в целом ориентированы по большей части на сильную поляризацию политического дискурса и на резко негативную репрезентацию властвующих элит во всех их проявлениях, – в том, что касается использования советского прошлого, дискурс Навального едва ли можно трактовать как некую инверсию нарративов, формируемых государственной исторической политикой. Отношения между этими двумя дискурсами более сложны и представить их можно скорее как пересечение двух полей внимания, каждое из которых имеет свои фокусы и свои «слепые зоны», – притом что отчасти и фокусы, и слепые зоны двух полей совпадают. Так, Великая Отечественная война в такой схеме оказывается тем событием, которое располагается в фокусе обоих дискурсов, а, например, Октябрьская революция (хоть Навальный немного о ней и упоминает), по сути, оказывается в слепой зоне и дискурса действующей власти, и дискурса Навального. Есть, как мы уже отмечали, и такие нарративы, которые Навальный использует активно, а во властном дискурсе они почти полностью отсутствуют. Таковы, например, нарративы о диссидентском движении в СССР.

Хотя Навальный и привносит в российский политический дискурс некоторые исторические сюжеты, активного обсуждения которых избегает власть, нельзя еще раз не отметить, что и он сам зачастую от роли мнемонического агента уклоняется – даже в тех случаях, когда сам призывает активнее обсуждать какой-либо исторический сюжет (именно такая ситуация сложилась в связи со столетием революции). Кроме того, некоторые конструируемые Навальным исторические нарративы, касающиеся советской истории первой половины XX в., несколько амбивалентны и в оценочном плане сопровождаются рядом оговорок.

Разумеется, те выводы, которые были получены по итогам анализа текстов Алексея Навального, не могут быть полностью перенесены на всю российскую внепарламентскую оппозицию. Однако в анализируемый период Навальный, безусловно, являлся центральным для нее спикером и без анализа его текстов дискурс уличной оппозиции уж точно не может быть реконструирован. В дальнейших исследованиях представленные в настоящей статье результаты было бы полезно дополнить анализом текстов других значимых оппозиционных фигур из разных частей политического спектра.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Список литературы

- Беседа с Ю.С. Степановым 2002 года / [Беседовали Ю.С. Степанов, М.В. Ильин] // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2012. – Вып. 3. – С. 379–396.
- Касьянов Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы // Carnegie Moscow Center. – 2018. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (дата посещения: 20.08.2020).
- Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
- Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 13–40.
- Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2019. – № 3(94). – С. 103–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126>
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС, Ближний Восток. – М.: Научный консультант. – С. 213–238.
- Фомин И.В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 8–25.
- Chaisty P., Whitefield S. Putin's Nationalism Problem // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives / A. Pikulicka-Wilczewska, R. Sakwa (eds.). – Bristol: E-International Relations Publishing, 2016. – P. 157–163.
- Engström M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy // Contemporary Security Policy. – 2014. – N 3 (35). – P. 356–379. – DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
- Hill F., Gaddy C. Putin and the Uses of History // The National Interest. – 2012. – N 117. – P. 21–31.
- Hodge B., Kress G.R. Social semiotics. – Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, 1988. – 285 p.

¹ Электронное приложение доступно по ссылке: Fomin I. Supplementary Materials for: Narratives about the Soviet Past in the Discourse of the Russian Non-Parliamentary Opposition (Example of Alexei Navalny's Texts) // Harvard Dataverse. – 2020. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/BCRIJP> (дата посещения: 30.08.2020).

- Khapaeva D.* Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2016. – Vol. 1, N 49. – P. 61–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.007>
- Kuzio T.* Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2018. – Vol. 51, N 4. – P. 337–347. – DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>
- Malinova O.* Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan Memory Studies. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 43–70. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8_2
- Malinova O.* Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // *Cultural and political imaginaries in Putin's Russia* / N. Bernsand, B. Törnquist Plewa (eds). – Leiden; Boston: Brill, 2018. – P. 85–104. – (Eurasian studies library: history, societies & cultures in Eurasia; Vol. 11).
- Reisigl M., Wodak R.* Discourse and discrimination. – London; New York: Routledge, 2001. – 298 p.
- Shevtsova L.* Forward to the Past in Russia // *Journal of Democracy*. – 2015. – Vol. 26, N 2. – P. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0028>

I.V. Fomin*

Narratives about the Soviet past in the discourse of the Russian non-parliamentary opposition (example of Alexei Navalny's texts)¹

Abstract. The article is devoted to the analysis of the discourse of the Russian oppositionist Alexei Navalny. The purpose of the study is to understand how one of the leaders of the Russian non-parliamentary opposition uses narratives about the Soviet past. The analysis shows that the arsenal of such narratives in Navalny's discourse is quite broad and includes references to events, actors, and realia from all main periods of the Soviet history. The whole variety of ways of using the narratives about the Soviet past in Navalny's discourse can be generalized to four typical discursive templates: (1) “analogy with the Soviet”, (2) “inheriting the Soviet”, (3) “stealing the Soviet”, (4) “(mis)commemorating the Soviet”. The “analogy with the Soviet” and “inheriting the Soviet” templates are used by Navalny in his strategies of negative representation of certain contemporary Russian political events, actors, institutions, and practices (in particular the ones having to do with political repressions and state propaganda). The application of the “stealing the Soviet” template is almost entirely limited to the texts that negatively represent Russian “oligarchs”. The “(mis)commemorating the Soviet” template is applied in the texts that promote (or condemn) certain commemorative prac-

* **Ivan Fomin**, National Research University Higher School of Economics; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00709.

tices. In general, in his discourse Navalny often effectively applies the discursive strategies that allow him to use the narratives about the Soviet past, but, at the same time, he is rarely seeks to actively construct such narratives himself.

Keywords: Russian political discourse; image of the USSR; historical politics; Navalny; non-parliamentary opposition; Stalin; Lenin; political repressions; Great Patriotic War; dissident movement; nomenclature; Soviet ideology; World War II.

For citation: Fomin I.V. Narratives about the Soviet Past in the Discourse of the Russian Non-Parliamentary Opposition (Example of Alexei Navalny's Texts). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 221–245. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.11>

References

- Chaisty P., Whitefield S. Putin's Nationalism Problem. In: Pikulicka-Wilczewska A., Sakwa R. (eds), *Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives*. Bristol: E-International Relations Publishing, 2016, P. 157–163.
- Engström M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary Security Policy*. 2014, N 3 (35), P. 356–379. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
- Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. The experience of world wars in identity politics and security strategy building. In: Akul'shina A.V. (ed.). *Regional Strategies of International Security: Russia, EU, Middle East*. Moscow: Nauchnyi konsultant, P. 213–238. (In Russ.)
- Fomin I.V. Transdisciplinary perspectives in political studies: The potential of semiotics. *Political science (RU)*. 2015, N 2, P. 8–25. (In Russ.)
- Hill F., Gaddy C. Putin and the Uses of History. *The National Interest*. 2012, N 117, P. 21–31.
- Hodge B., Kress G.R. *Social semiotics*. Cambridge, UK: Polity Press in association with Basil Blackwell, 1988, 285 p.
- Interview with Yu.S. Stepanov, 2002. *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*, 2012, N 3, P. 379–396. (In Russ.)
- Kasyanov G. Uniform textbook of EU history and Eastern Europe's own truth, 2018. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/75960> (accessed: 20.08.2020) (In Russ.)
- Khapaeva D. Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization. *Communist and Post-Communist Studies*. 2016, Vol. 1, N 49, P. 61–73. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.007>
- Kuzio T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions. *Communist and Post-Communist Studies*. 2018, Vol. 51, N 4, P. 337–347. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.001>
- Malinova O. Yu. Who forms official historical narrative and how? analysis of russian practices. *Politeia – journal of political theory political philosophy and sociology of politics*. 2019, № 3(94), P. 103–126. DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126> (In Russ.)

- Malinova O. Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. In: Bernsand N., Törnquist Plewa B. (eds). *Cultural and political imaginaries in Putin's Russia*. Leiden; Boston: Brill, 2018, P. 85–104.
- Malinova O. Yu. Uncomfortable centenary: preliminary results of reconsidering “the founding myth” of the USSR in the Russian official historical narrative. *Political science (RU)*. 2017. N 3, P. 13–40. (In Russ.)
- Malinova O. Political uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin. In: Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J., Zhurzhenko T. (eds). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan Memory Studies. Cham: Springer International Publishing, 2017, P. 43–70. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8_2
- Malinova O. Yu. The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: from the 1990 s to the 2000 s. *Polis. Political Studies*. 2016, N 6, P. 139–158. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russ.)
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and discrimination*. London; New York: Routledge, 2001, 298 p.
- Shevtsova L. Forward to the Past in Russia. *Journal of Democracy*. 2015, Vol. 26, N 2, P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0028>